

Павел Рыков

Павел Георгиевич Рыков – родился в Москве в 1945 году. Образование – театральный режиссёр. С 1973 года в профессиональной журналистике, теледокументалист. Автор 20 поэтических, прозаических книг, драматургии. Живёт в Оренбурге, преподаёт журналистику в государственном университете.

КАНИТЕЛЬ

Ясен пень: не зря нас называли суючками. Не было места в нашей большой квартире и большом сарае, куда мы с двоюродным братом Славкой не сунули бы свои носы. Самая первая потребность человека – насытиться. Мы неостановимо росли и есть готовы были даже лишь казавшееся съедобным. О прочих фундаментальных потребностях пока не задумывались – не по возрасту. Но стремление выведывать, знать, видеть, слышать, осязать, обонять захлёстывало и только росло вместе с нами. А потому – исследовали всё, что попадает на глаза. Были, однако, безусловно запретные зоны. Во-первых, фронтовые награды родителей. Смотреть можно, но только если мама по нашим тянучим-липучим просьбам открывала заветный ящик, и награды извлекались на свет божий. Эх, как хороша вишнёвого цвета эмаль ордена Красной Звезды! А медали с портретом товарища Сталина? В порядке особого расположения мама позволяла накрыть медаль листком бумаги и, водя карандашом, проявить профиль любимого вождя.

Ещё один полный и безоговорочный запрет касался оружия. Двустоволка отца хранилась безо всяких сейфов в разобранном состоянии в кобуре, за шкафом. В особой укладке – снаряжённые патроны, запасы дымного пороха и дробы, войлочные да картонные пыжи. Эх! Собрать бы ружьё, повзводить, переламывая, и пощёлкать. Но! Оружие!!! Как говорил дворовый друг и ровесник Серёжка: «Полный атас, если отец узнает». Для Серёжки полным атасом было стояние в углу коленями на горохе. Отец Серёжки – дядя Яша – слыл на весь двор бооольшим педагогом.

Однажды Славка поманил меня молча. Родителей дома не было. Дед на службе – он никогда не говорил «на работе». Бабушка Соня погрузилась в кухонные заботы, окутанная несказанным запахом пекущихся в духовке пирогов. Мы почему-то на цыпочках пошли в большую комнату, и Славка забрался бочком в простенок между печкой-голландкой и стеной. А за печкой, оказывается, был ещё один простенок, в сущности, щель размером с половину «никлаевского» кирпича. И вот оттуда Славка извлёк нечто, завёрнутое в кусок чистого сурового полотна старинной выделки.

– Смотри, – сказал Славка драматичнейшим шёпотом.

Смотреть было на что! Перед нами лежал клубок металлических, ослепительно блистающих – не знаю, как сказать: нити не нити, витушки... пружинки... Нет, не знаю – слов таких не водилось в наших только созревающих головах.

– Теперь смотри! – Славка выпростал одну витушку из клубка, зажал пальцами рук оба конца и потянул. Витушка-пружинка стала растягиваться, растягиваться и превратилась в долгую блестящую тончайшую нить.

– Ух ты! – только и смог восхищённо воскликнуть я. – А мне можно?

Через несколько минут мы распустили несколько спиралек и взпуски понесли друг за другом вокруг большого круглого стола. Нити, словно серебряные лучики, парили в воздухе. Восторженные клики и беготня достигли бабушкиных ушей. И она явилась. Несмотря на спину, изрядно искривлённую сколиозом, было в ней нечто такое, что заставляло сразу же вспоминать, что она не просто баба Соня, но София Аполлоновна. Улавливаете разницу? Мы-то её улавливали, хотя бы по тому, как к ней относились родители, дед и даже соседи, которые по особо важным случаям просили их рассудить. Наше буйство пресеклось одномоментно.

– Кто взял? – спросила бабушка.

– Я! – честно признался Славка. Он знал, что его сильно ругать не будут. На стене комнаты, где мы бесились, висел в дорогой резной рамке портрет Славкиного отца – моего дяди. В ноябре 1943 года пришла похоронка и письмо командира батареи. Он описывал, как погиб и где похоронен друг Павлуша – у хутора Милый под Киевом. Славкина мать, спустя какое-то время, оставила детей свёкру и свекрови на попечение и ушла устраивать свою дальнейшую жизнь. Оттого-то Славке многое сходило с рук.

– А это от чего и для чего? – спросил я, указывая на моток.

– Это... Это... – Бабушка явно подыскивала слова. – Это канитель... Мне для вышивки.

Она и впрямь вышивала порой на пяльцах нитками мулине наволочки для подушек-думок, явно перебирая с нитками красного цвета. Забрав у нас тряпицу с клубком странных витушек, столь непохожих на нитки для вышивания, она куда-то её заныкала. Мы со Славкой погадали-погадали о происхождении клубка и увлеклись чем-то иным. Мама вечером в ответ на мои расспросы отвечала уклончиво. Папа пообещал всыпать по первое число, если мы не прекратим шарить по квартире. На том историю можно бы и закончить.

Прошло много-много лет. Умер Сталин. За ним – дед. Долго жила бабушка София Аполлоновна, но и она ушла в мир иной. В её оградку положили следом папу. Нелепо погиб Славка... А про загадочную канитель из-за печки я давно позабыл. А если бы и вспомнил – расспрашивать уже некого. Однако в конце семидесятых годов добрался я до семейных тайн, которые тщательно скрывали, оберегая нас. Как известно: во многом знании – многие печали. А тут выяснилось: скрывать, по тогдашним лютым временам, было что. Прежде всего, череду предков – военных моряков, дослужившихся до адмиральских эполет. А ещё – до бабушкиных братьев-офицеров, воевавших под началом лихого и лютого врага совласти атамана Дутова. И её же родня из древнего рода яицких казаков, ушедшая в Персию с белым уральским атаманом Толстовым... А дедовы братья, покинувшие Крым вместе с Врангелем... А ещё брат деда – адмирал, георгиевский кавалер, бессудно расстрелянный чекистами в Петропавловской крепости. И ещё один дедов брат, утопленный всё теми же чекистами вместе с другими «бывшими людьми» на барже в Финском заливе... Бабушка, дед и отец не верили, что Зло исчезло само собой. Они не сомневались: Зло всего лишь осело, словно муть, на дно реки Времени. Но только до поры. А может в любой подходящий момент вновь быть взбаламучено. Но канитель из-за печки? Она-то здесь причём? Разглядывая старые фотографии и рисунки, бывая в музеях, нашёл её на... адмиральских эполетах. Вспомнили? Густые впечатляющие висюльки по краям эполет? На их изготовление и шла канитель. Остатки эполет мы и растребушили вместе с братом.

Зачем дед и бабушка тайно хранили эти серебряные витушечки – единственное, что оставалось от утраченного, казалось бы, навек славного прошлого нашего рода? Неужели только затем, чтобы бабушка вплела блестящую канитель в густо-красный узор своей вышивки, над которой корпела молча, думая о чём-то своём, пока пальцы ещё слушались старую женщину и глаза позволяли вдеть в игольное ушко серебряную нить?

ОТ ОДНОГО ДО ДЕСЯТИ

Как без пароля воевать и уж тем более выжить? Скажем, идёшь ты, беспечная душа, по лесу, любуешься растительным многообразием, и вдруг из кустов:

– Стой! Кто идёт? Пароль?

– Какой такой пароль?

– Стой! Стрелять буду! Пароль?

– Да отвяжись ты!

Бабах! И бдительный воин отправляется в качестве поощрения на побывку к домашним харчам.

Не знаю, как это французское словечко «Parole» затесалось в русский армейский лексикон – да это и неважно. Затесалось и прижилось. И не дай бог вам не знать пароль, когда вокруг война и требуется отличить своего от чужого.

А дело было так: мы возвращались на гору в расположение «федералов» – 506-го полка Российской армии из мятежного Ведено, где хозяйничали недобитые бандиты под предводительством полевого

командира Шервани Басаева. Осенью 1995-го на недолгое время вступило в силу странное перемирие. Большая стрельба поутихла. Однако постреливали практически ежедневно. Но так – по малой, как говорят, нужде. Например, кто-то куда-то зачем-то прогуливаясь по лесу, зашёл не туда-куда. А пароля не знает...

Пароль же прост. Например, кликает тебя из-за кустов боец, а ты должен назвать цифру: от одного до десяти. Скажем, «восемь». Боец же, залёгший в карауле у пулемёта, держит в голове под каской цифру «два». Складываем – получаем в сумме «десять». Значит, свой – проходи. Не знаешь – начинает бить пулемёт в ответ на твою арифметическую ошибку по заранее пристрелянным ориентирам.

А мы припозднились с возвращением в расположение полка, хотя опекавший нас майор товарищ Андрей предупреждал: близится время «Ч», а значит, смены пароля. Но разве можно урезонить репортёра и оператора, дорвавшихся до разговора с простыми чеченцами на улице и деревенском рынке. Встречались мы и с бандитами в щегольском натовском камуфляже с оружием наизготовку. Сразу же возникла в голове строчка поэтическая: «Ведено, Ведено! Здесь оружие взведено». Но меж тем возникло и крепло понимание того, что бандиты бандитами, а люди людьми. Так, встретился вдруг почти земляк, построивший в советские времена целую улицу в одном из целинных сёл области и, несомненно, гордившийся этим – чеченцы издревле хорошие строители. И плачущие женщины, не понимающие, за что им такие мучения. И торговцы на рынке, зарабатывающие на хлеб сбытом контрабандного и контрафактного товара. И вездесущие мальчишки, лишённые школы в обычном её понимании. И средних лет крестьянин, отлучённый войной от руля трактора. Все они никак на бандитов не походили.

Возвращаться надо было петляющей лесной дорогой в гору, нависающую над селом и увенчанную ажурной башней телеретранслятора, служившего бандитам до того, как им накомостиляли, телестудией. Отсюда летели в эфир передачи, большая часть которых представляла собой видеозаписи Зикра – молитвенного мусульманского обряда, состоящего из ритмичных движений группы бородачей в камуфляже по кругу и повторения в такт слов, прославляющих Аллаха. Быстро темнело. Посыпался снежок. Мы сидели на броне под охраной двух сверхмолчаливых бойцов-разведчиков, готовых в любой момент открыть ответный огонь. И тут наш БМП встал, замолчал и обесточился. Механик-водитель высунул голову в люк и сказал: «Всё».

– Что всё? – спросил майор товарищ Андрей.

– Я же предупреждал командира, что на этом сучьем потрохе нельзя ехать. Вот он и сломался.

Стало совсем темно. Снег повалил пуще.

– Что будем делать? – обратился я к майору.

– Пешком пойдём. – И мы прыгнули с брони в холодную, вязкую, глубокую мешанину дороги, вконец разбитой колёсами и гусеницами бронетехники. Виктор – оператор божией милостью, нагруженный тяжёлой видеокамерой с накамерным светом, обвешанный запасными аккумуляторами к ней и аккумулятором же к светильнику, тут же попытался выбраться по откосу на сухое.

– Туда не надо! – тихо, но крайне весомо произнёс один из разведчиков, до того производивший впечатление глухонемого. – Там мины.

– Всё! – сказал майор товарищ Андрей, глянув на светящиеся стрелки часов. – Смена караула, пароль поменяли. Я его не знаю. Но идти всё равно надо. Иначе замёрзнем. И мы двинулись по этой вязкой, застывающей грязище, причмокивающей и норвящей снять с Виктора его резиновые сапоги.

– Далеко ли до блокпоста? – полюбопытствовал я.

– С полкилометра, – ответил разведчик.

– Так мы подойдём и объясним бойцам, что БМП сломалась, – сказал я.

– Думаю, что нас пристрелят раньше, чем успеем подойти на расстояние разговора, – философски заметил майор товарищ Андрей.

– А мы крикнем, что мы свои, русские, – нашёл выход оператор Виктор – простодушнейший человек с характерным армянским носом и обросший бородой покруче боевика из банды Басаева.

– Тут все могут крикнуть по-русски, – улыбнулся невидимо во тьме майор товарищ Андрей. – Голосу доверия нет.

И правда, не с немцами же война идёт. Воюют люди, которые, быть может, вчера сидели за одним столом в солдатской казарме. Дудаев – президент независимой Ичкерии и вовсе генерал Советской армии. Это понимать надо. Но что с нас, штатских, взять? Приятно и легко быть бестолковым, когда до конца не понимаешь всей остроты ситуации. Однако наши военные опекуны знали: впереди блокпост и два пулемёта. А за пулемётами – бойцы, прошедшие с боями сто километров от Ханкалы до Ведено, умелые и знающие, почём фунт лиха. И между прочим, надеющиеся, как и мы, что Бог поможет им уберечься и вернуться домой. Но и мы не лыком шиты.

– Виктор! – попросил я. – Давай-ка мне накамерный светильник.

Он открепил фонарь и передал мне. Щелчок – и сноп яркого белого света высветил дорожное месиво и заминированные кусты, растущие обочь дороги. Посветил на БМП – из люка торчит голова механика-водителя в шлеме с перемазанным лицом. А вот и «опекуны» в бушлатах и вязаных зелёных шапочках. Тут же и майор товарищ Андрей. Посветил вверх – туча, напитанная снегом, хоть рукой хватай. Теперь мы видны издалека. Темнота рождает непонятки. Непонятки – страх. А свет – это Свет. «Да будет Свет», – процитировал я Писание. И мы двинулись вперёд. Шаг, два, три, десять... Хотелось, чтобы бойцы, притаившиеся за пулемётами, уразумели: «злой чечен», как некогда написал воевавший здесь великий поэт, не пойдёт на пулемёты, освещая себя и свой путь. Хотя военным уловкам окорота нет. О, путь этот показался самым долгим за всю мою жизнь. Ибо кто знает – не следят ли за нами из темноты бородатые любители прогуляться по тёмному лесу с автоматами в руках? А для таких предположений были основания, если судить по настороженности молчунов-разведчиков. Больше прочего я боялся, однако, только одного: аккумулятор может раньше времени разрядиться и фонарь погаснет. Но обошлось – не подвела импортная техника. Тем не менее задолго до приближения к блокпосту майор звонким «командирским» голосом назвал себя и потребовал, чтобы бойцы вызвали начальника караула. Дальше всё было просто, и мы вскоре оказались на своей территории. Только зубы малость постукивали от холода или... от пережитого напряжения. «Опекуны-разведчики» растворились во тьме. А мы очутились в палатке офицеров-сапёров, с которыми недавно вместе прилетели в Чечню. Нас поздравили с успешным возвращением без потерь. А потом угостили чем бог послал. А послал сапёрный бог остывшую гречневую кашу и тепловатую водку – по стакану на нос. Здесь же мы и уснули на деревянном помосте, застеленном ковром. Заснули крепко. Но среди ночи дважды по команде переворачивались с боку на бок потому, что лежали с сапёрами, приютившими нас, впритирку. Но ничего: в тесноте – не в обиде.

Утром я вышел из палатки. Куда делась вчерашняя снежная туча – неведомо. Как и не бывало! Из-за гор уже выкатило солнце. Наибелейшие снежные папахи, надвинутые по самые брови сурово глядящих гор, сверкали под его лучами. Небо было невиданной голубизны, какой не увидишь в степных краях, где вечный ветер развеивает и несёт невесомый прах. Внизу, глубоко под горой, тянулись вверх дымы от домашних очагов Ведено. И так хотелось жить. Просто жить – и всё! И не считать от одного до десяти шагов по жизни, отпущенные тебе Всевышним.